„... Я ВАМ ОТВЕТИЛА ВМЕСТО БОЯНА...“: (НЕ)СОСТОЯВШАЯСЯ ПЕРЕПИСКА МЕЖДУ ИВАНОМ БУНИНЫМ И БОЯНОМ ПЕНЕВЫМ (СОФИЯ, 1920 г.)

Галина Петкова

"... I ANSWERED YOU INSTEAD OF BOYAN...": THE (FAILED) CORRESPONDENCE BETWEEN IVAN BUNIN AND BOYAN PENEV (SOFIA, 1920)

Galina Petkova[1], Sofia University "St. Kliment Ohridski", Bulgaria

https://doi.org/10.46687/VJHS7698

Abstract: *This research comments on the three-person correspondence between the Russian writer Ivan Bunin, the Bulgarian professor of Slavic literature Boyan Penev, and Penev's wife – the poetess Dora Gabe. Emigrating from Russia, Bunin stayed in Sofia for 18 days between February and March 1920. During this period, he personally met the Penev family. Acquainted with Bunin's work, prof. Penev made every effort to support the writer and showed him academic socialization by inviting Bunin to work as a "professor" of "new Russian literature" at Sofia University. However, while the procedure for the approval of the Russian émigré scholar was in progress, Bunin left Sofia for Belgrade and then Paris. He never returned to Sofia to take up the chair offered to him. From Paris, Bunin sent to Boyan Penev two letters, kept in the Scientific Archives of the Bulgarian Academy of Sciences and published long ago, in which he explained the circumstances that led to his decision. Until now Bulgarian literary scholars have believed that Penev reacted to these letters with silence. During archival searches, however, letters in reply to Bunin were found. They were written by the poetess Dora Gabe, who responded to Bunin "instead of" her husband. These documents are kept in the I. A. Bunin Collection of the Leeds Russian Archive (University of Leeds). Written in the first-person plural, these missives contain a general impression of Bunin but also reveal Penev's opinion about Bunin's decision. The chronologically restored*

1 Galina Petkova is a lecturer of Russian literature of 20th century at the Faculty of Slavic Studies of Sofia University "St. Kliment Ohridski"; PhD in Philology at Moscow State University "M. V. Lomonosov" ("Poetics of the Lyric Cycle in the Works of Marina Tsvetaeva", defended in 1994); Associate Professor (2017) at the Department of Russian Literature of the Faculty of Slavic Studies (habilitation thesis: "To Provide a Guiding Thread...": History of Russian Literature in Three Books by Professor P. Bicilli" (Bulgaria, 1931–1934) (2017). Her research interests include Russian émigré literature, women's literature of Russian emigration, the teaching activities of Russian humanitarian scholars in Bulgaria. Email: petkova@slav.uni-sofia.bg

Copyright © 2025 Galina Petkova

Article history: Received: 27 April 2025; Reviewed: 23 May 2025; Revised: 26 May 2025; Accepted: 2 June 2025; Published: 5 August 2025

This open access article is published and distributed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

correspondence, as well as the published illustrations, contributes to the reconstruction of the Sofia period of Bunin's emigrant life, which has remained more or less marginalized till now.

Key words: *Ivan Bunin, Boyan Penev, Dora Gabe, Russian emigration, Russian literature, correspondence*

Цель настоящей публикации – представить тройную корреспонденцию, раскрывающую общение–разминовение русского писателя Ивана Бунина, прожившего в Софии „18 дней“ (Mohovoy, 1936, p. 1) в феврале – марте 1920 г., и болгарского профессора истории славянских литератур Бояна Пенева, приложившего все усилия, чтобы Бунин был избран лектором по русской литературе в Софийском университете. Должность профессора гарантировала бы И. Бунину некую обустроенность эмигрантского бытия, но он ее не занял, уезжая в Белград, а оттуда в Париж. Он извещал о себе Б. Пенева из Белграда через посредника, а потом – из Парижа – послал Пеневу в том же 1920 г. два письма. Болгарское литературоведение ввело эти письма в научный оборот в 1969 г. Общепринятой считалась точка зрения, что на письма И. Бунина Б. Пенев не отвечал. Однако, в результате архивных разысканий удалось найти ответы Бунину: их написала из Софии поэтесса Дора Габе, „вместо“, по ее словам, своего мужа Бояна Пенева. Эти письма сохранились в Бунинской коллекции Русского архива в Лидсе (Leeds Russian Archive, University of Leeds) и до сих пор оставались неизвестными.

В общей сложности публикация содержит шесть писем, снабженных научным аппаратом: 1) записка на обороте визитной карточки И. Бунина, предназначенная для Б. Пенева; 2) два письма И. Бунина из Парижа, адресованные Б. Пеневу; 3) два письма Доры Габе из Софии, отвечающие И. Бунину, и 4) краткое письмо Доры Габе из Польши, адресованное Вере и Ивану Буниным.

Визитная карточка и письма И. Бунина сохранились в фонде Бояна Пенева в Научном архиве Болгарской академии наук, и они уже более полувека являются объектом научного интереса болгарских исследователей.

В 1969 г. литературовед Иван Сарандев опубликовал на французском языке письма известных деятелей литературы и науки к профессору Бояну Пеневу. Среди них фигурирует перевод первого во времени письма Бунина, посланного из Парижа (Sarandev, 1969, pp. 95-96). В комментарии И. Сарандев отмечал, что это „первая публикация“ корреспонденции И. Бунина с Б. Пеневым, „связь“ между которыми установилась во время пребывания русского писателя в Болгарии (Sarandev, 1969, p. 94). В самом тексте письма контаминируются собственные имена двух различных личностей – Лопуховского и Нилуса, – и так появляется „M<onsieur> Peter Alexandrovich Lopouhovski-Nillus“ (Sarandev, 1969, p. 95). Кроме того, пропущено, без

указания на это, словосочетание „вспрыскивания мышьяку“, которое, вероятно, было трудно перевести на французский язык.

В 1970 г. И. Сарандев опубликовал в переводе с русского на болгарский язык три документа: записку для Б. Пенева, набросанную Буниным на его одесской визитке, и два письма И. Бунина к Б. Пеневу, посланные из Парижа (Sarandev, 1970, pp. 39-41). Размещенная на лицевой стороне визитки информация о Бунине воспроизводится на языке оригинала, а в комментарии, предшествующем тексту записки, уточняется, что „на обратной стороне визитной карточки есть текст, написанный карандашом“ (Sarandev, 1970, p. 41).

В публикации не соблюдена хронология текстов, которые расположены в следующем порядке: 1) письмо из Парижа, датированное „8 сентября 1920 г.“; 2) записка на визитке, которая во времени предшествует другим письмам; 3) недатированное письмо из Парижа, уже опубликованное в 1969 г. на французском языке. И в переводе этого письма на болгарский язык снова повторяется контаминация собственных имен в одну личность, на этот раз фамилия напечатана без дефиса: „г<осподин> Петър Александрович Лопуховски Нилов“ (Sarandev, 1970, p. 41). Во вступительном комментарии И. Сарандев цитирует материалы из софийских газет, на основании которых реконструирует факты жизни Бунина в Софии: его знакомство с „семьей Доры и Бояна Пеневых“ (Sarandev, 1970, p. 40), ограбление в гостинице „Континенталь“, избрание на должность преподавателя Софийского университета и отъезд в Белград. Таким образом, благодаря разысканиям И. Сарандева, тема „Иван Бунин и Боян Пенев“ получила свою научную институционализацию на рубеже 1960-х – 1970-х гг.

В своей болгароязычной статье 1992 г. историк Людмил Спасов останавливается на уже известных событиях софийской жизни И. Бунина. Не ссылаясь ни на какие источники, он реферирует первое во времени письмо Бунина, инкорпорируя две короткие цитаты, а второе – от „8 сентября 1920 г. “ – воспроизводит и факсимильно, и в собственном переводе с русского на болгарский язык (Spasov, 1992, pp. 52-54). Свои наблюдения в свернутом виде, в том числе и перевод письма, ученый включил в работу 2004 г. (Spasov, 2004, pp. 482-483), где все цитаты атрибутированы, а архивные источники указаны.

В оригинале два письма И. Бунина на русском языке, написанные из Парижа, „впервые“ (Kanazirska, 2013, p. 469) опубликованы М. Каназирской в приложении к ее книге „После России“ в 2013 г. (Kanazirska, 2013, pp. 468-470). Письма расположены в ожидаемой хронологии, но в текстах оригиналов наблюдаются некоторые пропуски. Научный комментарий к письмам сводится к трем сноскам, поясняющим собственные имена Лопуховского, П. Нилуса и А. Дзивгова.

В русскоязычном литературоведении интерес к пребыванию И. Бунина в Софии и его письмам проф. Б. Пеневу проявил исследователь

творчества писателя А. К. Бабореко. В 1994 г. он неточно указывал, что „письма Бунина Баяну [sic] Пеневу опубликованы по-французски Иваном Сарандевым“ (Baboreko, 1994, p. 70). В той же работе А. Бабореко сообщал, что текст писем „был набран“ для 84-го тома „Литературного наследства“, посвященного И. Бунину, но „напечатаны они не были“, а их „корректура хранится“ в Российском государственном архиве литературы и искусства (Baboreko, 1994, p. 70). Позднее в своей книге „Бунин. Жизнеописание“[2], ученый цитирует первое письмо по „корректуре писем Бунина Баяну Пеневу, РГАЛИ“ и в примечании № 1 ко второй части книги – „В изгнании“ – снова повторяет приведенную выше информацию о письмах, набранных для „Литературного наследства“, но не напечатанных (Baboreko, 2009, p. 448). Ученый использует неправильную форму личного имени проф. Пенева – „Боян“ – вместо „Баяна“, и вне его внимания остаются причины, по которым редакция „Литературного наследства“ не опубликовала письма И. Бунина Б. Пеневу, тем самым урезывая факты жизни писателя в Софии и в целом уничтожая эту страницу его эмигрантской биографии. Более того, форма множественного числа – „письма Бунина“, опубликованных по-французски, – свидетельствует о том, что, очевидно, А. Бабореко не знаком с публикацией И. Сарандева.

Сохранившиеся документы в фонде Б. Пенева в Научном архиве Болгарской академии наук позволяют расширить наблюдения всех упомянутых выше ученых, которые внесли немалый вклад в буниноведение. Записка на визитной карточке[3] дает ценную информацию относительно времени пребывания И. Бунина в Софии. В мемуарной литературе отмечается, что Боян Пенев познакомился с Буниным „в феврале“. Профессор „нашел“ писателя в гостинице „Континенталь“, „повел к себе домой“ и получил „несколько рукописей“ стихотворений, которые ему „Бунин дал посмотреть“[4]. Вероятно, именно в контексте этой встречи можно понять значение записки на обороте визитки. В ней также зафиксирован факт, который не обсуждался ни мемуаристами, ни исследователями. Речь идет о приглашении И. Бунина посетить спектакль Народного театра Болгарии. Когда это могло случиться?

Известно, что в Софии И. Бунин был приглашен на лекцию русского журналиста Петра Рысса „Старая и новая Россия“, которая должна была состояться в театре „Одеон“ 3 марта 1920 г. Но накануне „вечерняя пирушка“ у „одного видного болгарского поэта“ (Bunin, 1950, p. 250) продлилась „до четырех

2 Первое издание книги А. К. Бабореко „Бунин. Жизнеописание“ вышло в 2004 г. В настоящей работе все ссылки даются по 2-му изданию 2009 г.

3 Визитная карточка И. Бунина воспроизводится факсимильно с двух сторон на стенде „Коллеги и друзья“ документальной выставки „Боян Пенев (1882–1927)“, организованной Научным архивом БАН в июле – августе 2022 г. http://archiv.cl.bas.bg/Exhibitions/Galeria/IZLOJBA%208/Boyan_Penev.pdf (14.03.2025).

4 Об этом сообщает в своих воспоминаниях писатель Константин Константинов. Он упоминает также, что Б. Пенев пригласил его „пойти повидать Бунина“ (Konstantinov, 2015, p. 328).

утра“ (Chilingirov, 1933, p. 4). Бунин вернулся в гостиницу „только на рассвете“, „заснул мертвым сном“ (Bunin, 1950, p. 251) и лекцию пропустил. Это „пьянство“ спасло ему жизнь[5], так как, пока публика собиралась, в зале произошел взрыв, организованный анархистами. Несколько человек погибло, они сидели в „первом ряду перед эстрадой“, как напишет впоследствии в своих воспоминаниях Бунин, где вероятно „сидел бы“ и он сам (Bunin, 1950, p. 252). Утром того же дня, пока писатель суетился по поводу своего опоздания на лекцию П. Рысса, его чемодан, в котором хранилось все семейное „достояние“, был „ограблен до тла“, и таким образом Бунины „оказались уже вполне нищими“ и в „положении совершенно отчаянном“ (Bunin, 1950, p. 251)[6]. После подобного события писатель вряд ли бы принял приглашение посетить театральный спектакль. С другой стороны, вероятно, Бунин, только что приехавший в Болгарию[7], стал бы смотреть постановку, связанную или с русским театральным репертуаром, или с русскими эмигрантами. В коллекции афиш спектаклей Народного театра[8], сыгранных в период между последними днями февраля и 1 марта 1920 г. (2 марта была „вечерняя пирушка“), удалось найти любопытную находку: 29 февраля 1920 г.[9] был сыгран „Ревизор“ с участием „гастролирующих“ артистов И. Э. Дувана-Торцова (в роли Антона Антоновича) и В. М. Вронского (в роли Хлестакова) из Киевского драматического театра „Соловцов“. Вполне возможно, что И. Бунин был знаком с этими известными актерами, оказавшимися в эмиграции в Софии. Обозначенный дополнительный сюжет также ждет своего исследователя. Рискую предположить, что именно на эту постановку Бунина пригласили в „ложу министра“. Если это было так, то тогда можно считать, что сообщение на визитке написано 29 февраля 1920 г.

5 Цитирую слова И. Бунина, сказанные писателю Стилияну Чилингирову, которые последний приводит в своем очерке о пребывании русского писателя в Софии: „как видите, пьянство иногда спасает [жизнь]“ (Chilingirov, 1933, p. 4).

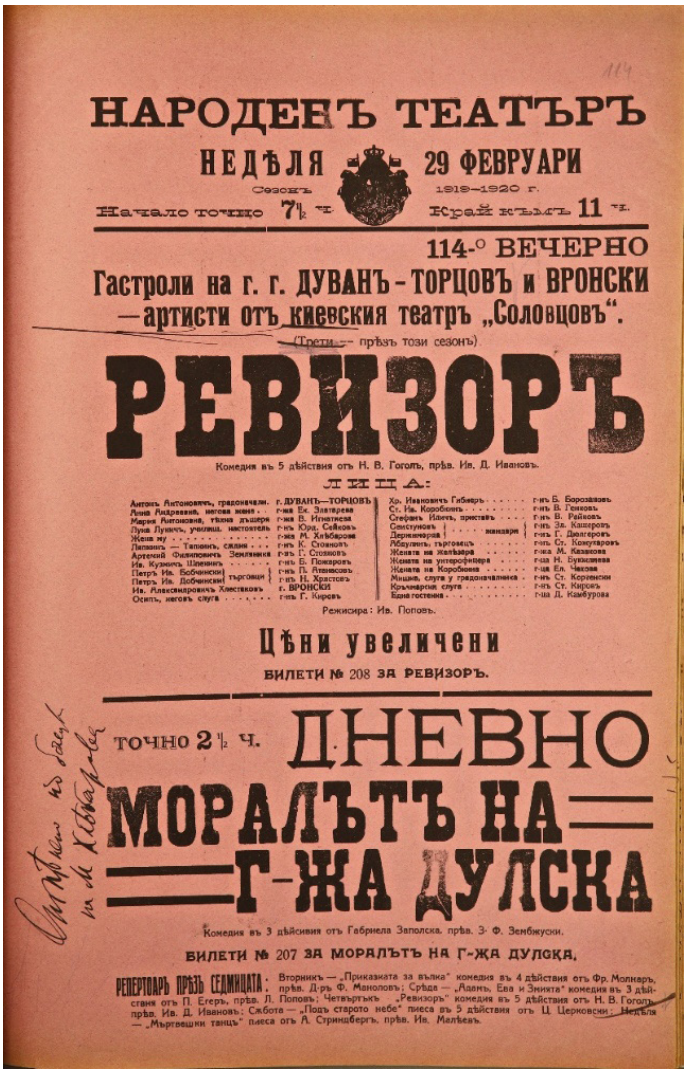
6 В своих воспоминаниях эти два события И. Бунин объединил так: „судьба оказалась ко мне удивительно великодушна: взяла с меня большую взятку, но зато спасла меня от верной смерти“ (Bunin, 1950, p. 251).

7 В „Биографическом пунктире“ И. Бунина Т. Двинятина отмечает, что 23 февраля 1920 г. „Бунины … уезжают из Константинополя и через день приезжают в Софию“ (Dvinyatina, 2020, p. 7). Ссылка на источник, подтверждающий информацию, что Бунин приехал 24 февраля в Софию не приводится. В хронике болгарской газеты „Зора“ от 28.02.1920 г., в сообщении „Русская миссия в Софии“, сказано, что „вчера в Софию прибыла из Новороссийска комиссия, которая должна позаботиться о размещении русских беженцев в Болгарии. Состав комиссии следующий: проф. Завьялов, проф. Попруженко (известный своими трудами по истории Болгарии), член Русской академии Бунин (известный поэт), член академии Кондаков (специалист по византийскому искусству) … При миссии в Софии и Варне будет организовано русское бюро печати“ (Хроника. Руска мисия в България. Газета „Зора“ от 28.02.1920 г., № 241, с. 2). Как бы ни был неточен журналистский дискурс по поводу „комиссии“, он зафиксировал определенный факт, и можно говорить о том, что 27 февраля 1920 г. Бунины уже были в Софии, и это стало известно болгарскому обществу.

8 Выражаю свою признательность Художественному архиву Народного театра за возможность ознакомиться с афишами спектаклей, сыгранных в интересующий меня период, и получить необходимые копии. Отдельно хотелось бы поблагодарить г-жу Виолету Станкову, заведующую Художественным архивом Народного театра, за ее содействие и исключительную отзывчивость.

9 Спектакли Народного театра следовали в таком порядке: 1) 25 февраля – „Тартюф“, 2) 26 февраля – „Иванко“; 3) 27 февраля – „Гамлет“; 29 февраля – „Ревизор“; 2 марта – „Дьявол“.

Афиша спектакля „Ревизор“ в Народном театре, 29 февраля 1920 г.



НАРОДЕНЪ ТЕАТЪРЪ

НЕДѢЛЯ 29 ФЕВРУАРИ

Сезонъ 1919–1920 г.

Начало точно 7½ ч. Край къмъ 11 ч.

114-о ВЕЧЕРНО

Гастроли на г. г. ДУВАНЪ-ТОРЦОВЪ и ВРОНСКИ — артисти отъ киевския театръ „Соловцовъ“.

(Трети — прѣзъ този сезонъ).

РЕВИЗОРЪ

Комедия въ 5 дѣйствия отъ Н. В. Гоголъ, прѣв. Ив. Д. Ивановъ.

ЛИЦА:

Антонъ Антоновичъ, градоначалн.	г. ДУВАНЪ—ТОРЦОВЪ	Хр. Ивановичъ Гибнеръ	г-нъ Б. Борозановъ
Анна Андреевна, негова жена	г-жа Ек. Златарева	Ст. Ив. Коробкинъ	г-нъ В. Генковъ
Мария Антоновна, тѣхна дъщеря	г-жа В. Игнатиева	Стефанъ Ивановъ, приставъ	г-нъ В. Райковъ
Лука Лукичъ, училищ. настоятель	г-нъ Юр. Сайковъ	Свистунови / Держиморда } жандари	г-нъ Зах. Кашеровъ
Жена му	г-жа М. Хибъорова		г-нъ Г. Дюлгеровъ
Липанчъ — Тяпкинъ, сѣдяи	г-нъ К. Стояновъ	Абдулинъ, търговецъ	г-нъ Ст. Конуловъ
Артемий Филиповичъ Земляникъ	г-нъ Г. Стояновъ	Жената на жандарма	г-жа М. Казакова
Ив. Кузмичъ Шпекинъ	г-нъ Б. Помаровъ	Жената на унтерофицера	г-жа Н. Бункинова
Петръ Ив. Добчинскиятъ / Петръ Ив. Добчинскиятъ } търговци	г-нъ П. Ятвинсовъ	Жената на Коробкина	г-жа Ел. Чилова
	г-нъ Н. Христовъ	Мишка, слуга у градоначалника	г-нъ Ст. Коренски
Ив. Александровичъ Хлестаковъ	г. ВРОНСКИ	Кръчмарски слуга	г-нъ Ст. Кировъ
Осипъ, неговъ слуга	г-нъ Г. Кировъ	Една гостенка	г-жа Д. Камбурова

Режисира: Ив. Поповъ.

Цѣни увеличени

БИЛЕТИ № 208 ЗА РЕВИЗОРЪ.

ТОЧНО 2½ Ч. ДНЕВНО

МОРАЛЪТЪ НА Г-ЖА ДУЛСКА

Комедия въ 3 дѣйствия отъ Габриела Заполска, прѣв. З. Ф. Зембжуски.

БИЛЕТИ № 207 ЗА МОРАЛЪТЪ НА Г-ЖА ДУЛСКА.

РЕПЕРТОАРЪ ПРЕЗЪ СЕДМИЦАТА: Вторникъ — „Приказката за вълка“ комедия въ 4 дѣйствия отъ Фр. Молнаръ, прѣв. Д-ръ Ф. Манолов; Срѣда — „Адамъ, Ева и Змията“ комедия въ 3 дѣйствия отъ П. Егеръ, прѣв. Л. Попов; Четвъртъкъ „Ревизоръ“ комедия въ 5 дѣйствия отъ Н. В. Гоголъ, прѣв. Ив. Д. Ивановъ; Сѫбота — „Подъ старото небе“ пиеса въ 9 дѣйствия отъ Ц. Церковски; Недѣля — „Мъртвешки танцъ“ пиеса отъ А. Стриндбергъ, прѣв. Ив. Малѣевъ.

Художествен архив на Народния театър, а. е. 1634, л. 114

До сих пор никто из исследователей, работавших с архивом Б. Пенева, не обратил внимания, что визитная карточка вложена в конверт „заказного“ письма И. Бунина, высланного из Парижа. На лицевой стороне конверта виден оттиск почтового штемпеля, удостоверяющий, что письмо принято для отправления в отделении почты на ул. Дюфреной (rue Dufrenoy) в 18.30 ч., 4-го месяца, 1920 г.[10] Дата отправления, которая должна быть проставлена

10 За помощь разобраться в содержании штемпеля выражаю свою искреннюю благодарность г-же Светлане Горановой-Марковой (Национальный политехнический музей в Софии), доц. Николаю Маркову (Национальный исторический музей) и д-р Борису Станимирову (Высшее училище телекоммуникаций и почтовой связи).

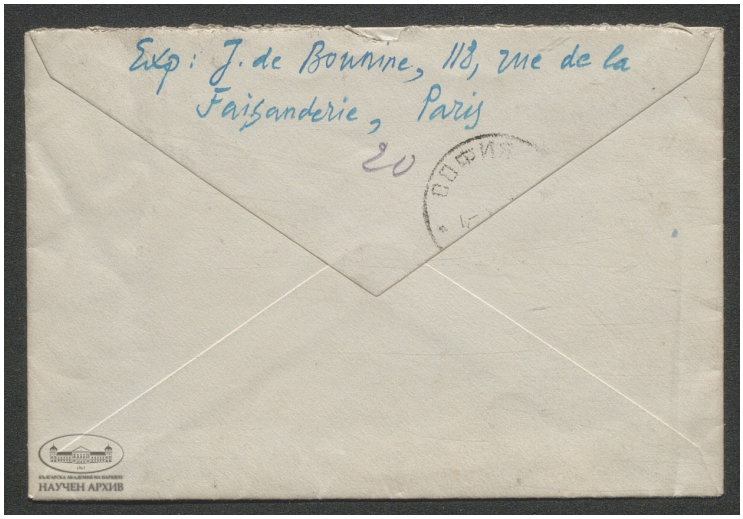
в штемпеле слева от месяца, не читается, может быть, не пропечаталась. На оборотной стороне конверта частично виден софийский почтовый штемпель, в котором начальная цифра „4“ занимает место, обозначающее дату получения письма. Таким образом, можно предположить, что письмо пришло в Софию 4 мая 1920 г., а отправлено из Парижа в апреле.

Лицевая и обратная сторона конверта первого письма И. Бунина, посланного Б. Пеневу из Парижа

1.

Научен архив на БАН, ф. 37К, оп. 1, а.е. 2051, л. 2

2.



Научен архив на БАН, ф. 37К, оп. 1, а.е. 2051, л. 2-гръб

А. Бабореко в своей книге сообщает, что И. Бунин „писал“ Б. Пеневу „30 апреля 1920 г.“ и ссылается в упомянутой уже сноске № 1 ко второй части на „корректуру писем Бунина Баяну Пеневу, РГАЛИ“ (Baboreko, 2009, p. 448). Только, подлинник письма, хранящийся в Софии не датирован, ответ Доры Габе на это первое письмо тоже без даты, поэтому трудно считать вопрос с датировкой исчерпанным. Неизвестно также сколько времени было необходимо, чтобы письмо пришло из Парижа в Софию, и как скоро поэтесса написала ответ по его получении. В случае со вторым письмом Бунина, датированным 8 сентября 1920 г. и отправленным из Парижа, вероятнее всего, 9 сентября 1920 г., Д. Габе ответила сразу („только что получилось второе письмо от Вас“) 14 сентября.

Первый ответ Доры Габе свидетельствует о том, что из Белграда И. Бунин написал персонально не Б. Пеневу, а своему другу – П. А. Нилусу – с просьбой посетить Пеневых и рассказать им о поездке из Софии в Белград. Как видно из ответа Д. Габе, П. Нилус исполнил просьбу Бунина. Этот факт дает основания утверждать, что после Софии лично Б. Пеневу И. Бунин адресовал два письма.

До сих пор и в мемуарной литературе, и в нарративах о пребывании Бунина в Софии творческий диалог с болгарскими литераторами исчерпывался описаниями пиршественной жизни. Встречи с Б. Пеневым, с критиком Александром Дзивговым, и сущность их разговоров как будто оставались вне внимания исследователей. Контрапунктом этой тенденции стали женские мемуары. Дора Габе в своих разговорах с И. Сарандевым, вспоминала, что Иван и Вера Бунины приходили к Пеневым домой „два или три раза“ (Sarandev, 1986, p. 48). Если вернуться к записке на визитке, вероятно, первая из этих встреч была еще в феврале.

Писавшие об отношениях Б. Пенева и И. Бунина болгарские ученые отмечали, что Пенев был знаком с творчеством русского писателя и интересовался им еще до того, как эмигрировавший автор оказался в Софии[11]. Вполне возможно, что ограбление в гостинице „Континенталь“ стало катализатором того, что Б. Пенев предложил И. Бунину академическую социализацию, т. е. „пригласил“[12], а не „просил“[13] читать лекции по русской литературе в Софийском университете.

Приезд Бунина в Софию совпал во времени с „приглашением“ „выдающихся русских профессоров читать лекции“ (Penev, 1920/1974, p. 61) в Софийском университете. Так как тогда назначение иностранных подданных

11 См.: Radev, 2014, p. 219; Spasov, 1992, p. 51; Dimitrov, 2004, p. 12.

12 См. начало последнего абзаца доклада Б. Пенева о Бунине, прочитанного на заседании совета Историко-филологического факультета: „Думаю, что для нашего университета будет честью *пригласить* Бунина читать лекции по русской литературе“ (Penev, 1920/1974, p. 64).

13 Означающее, предложенное А. Бабореко в 1994 г. (Baboreko, 1994, p. 70), которое впоследствии некритически воспроизводилось в русскоязычном бониноведении (Baboreko, 2009, p. 253; Dvinyatina, 2020, p. 8).

было невозможно, предпринимались шаги, чтобы урегулировать этот вопрос. В Народное собрание 20.02.1920 г. был внесен „Законопроект о принятии иностранных подданных преподавателями в Софийский университет“, но из-за прекращения существования парламента, законопроект был принят лишь следующим Народным собранием 22 июня 1920 г.

В этой ситуации практически все избрания, утверждения и назначения, предпринятые до окончательного решения Народного собрания, „означали нарушение конституции“ и являются „прецедентом в новой болгарской истории“ (Kyoseva, 2002, pp. 52-53). Эпизод избрания Бунина профессором Софийского университета детально описан болгарскими учеными[14]. Ниже отмечу тот административный лабиринт, преодолеть который пытался Б. Пенев.

И. Бунин сначала был утвержден лектором по русской литературе на заседании совета Историко-филологического факультета, вероятно, проходившем 10 марта 1920 г., на котором Б. Пенев прочитал свой доклад, мотивирующий это приглашение[15]. На своем внеочередном заседании 27 марта Академический совет Софийского университета подтвердил решение Историко-филологического факультета и избрал „единодушно“ „ординарными преподавателями по контракту“ византиниста академика Никодима Кондакова, слависта и заслуженного профессора Новороссийского университета Михаила Попруженко, романиста доцента Константина Мочульского и „г<осподина> лектора И. А. Бунина по новой русской литературе“[16]. Со своей стороны, Совет министров на своем заседании от 1 апреля 1920 г. (протокол № 40) одобрил доклад Министерства народного просвещения от 22 марта 1920 г. о принятии „на государственную службу в Софийский университет по договору“ „иностранных подданных“: среди упомянутых имен фигурирует и „писатель И. А. Бунин по „новой русской литературе“[17].

Пока продвигалась процедура назначения, И. Бунин уехал из Софии в Белград. В материале, озаглавленном „Новый профессор“, газета „Зора“ от 19 марта 1920 г. сообщала о следующей договоренности: „русский писатель г. Ив. Бунин уехал на несколько дней в Белград“, „по возвращении“ он „останется в Софии и займет предложенную ему кафедру русской литературы в нашем университете“[18]. Бунин в Софию не вернулся, а по полученной визе во Францию уехал из Белграда в Париж.

---

14 См. вступительную заметку Д. Вылчановой к докладу Б. Пенева (Penev, 1920/1974, p. 61), а также: Spasov, 1992, p. 52; Spasov, 2004, p. 483; Dimitrov, 2004, pp. 12-13; Kanazirska, 2013, pp. 460-468.

15 Так как не сохранились протоколы заседания ИФФ, эта дата учитывает датировку машинописного экземпляра доклада Б. Пенева. См. публикацию доклада Б. Пенева, осуществленную Е. Димитровым (Dimitrov, 2004, pp. 12-13).

16 Цитируется по: Протокол № 11 от извънредното заседание на Академическия съвет на Софийския университет от 27 март 1920 г. (Държавен архив – София, ф. 944К, оп. 2, а. е. 13, л. 188).

17 Централен държавен архив, ф. 284, а. е. 4210, л. 2

18 См.: Хроника. Нов професор. Газета „Зора“ от 19.03.1920 г., № 257, с. 2.

В жизнеописаниях И. Бунина зафиксировано, что 28 марта 1920 г. он и В. Н. Бунина „приехали в Париж“ (Dvinyatina, 2020, p. 8). К этому времени в Софии Министерство просвещения подтвердило назначение Бунина в Софийский университет. Вероятно, первоначально во Франции перед Буниным встала дилемма *что делать*, которая постепенно разрешилась. В дневниковой записи Веры Буниной от 4 апреля 1920 г. „София“ упоминается дважды в противоположных контекстах: „... Нет никаких надежд на то, чтобы устроиться в Париже. Вероятно, придется возвращаться в Софию. ... Был Шполянский[19]. ... Уверяет, что в Софию нам возвращаться не придется“ (Bunin, Bunina, 1981, pp. 7-8).

Вероятно, на фоне этих противоречивых перспектив И. Бунин отправлял свои письма из Парижа Б. Пеневу и А. Дзивгову, которые, может быть, были и сходного содержания. Поэтому, кажется, *экзистенциальная* датировка первого письма, посланного Б. Пеневу, важнее, чем хронологическая. Рискую предположить, что Бунин написал своим адресатам в Софию тогда, когда был уже уверен, что сюда он больше не вернется. И главная цель была не послать Б. Пеневу „благодарственное письмо“ (Spasov, 1992, p. 52), а сообщить ему о своем решении, т. е., сохраняя лицо, отказать в „чести“ стать „профессором“ Софийского университета. Все остальные тяготы эмигрантской бесприютности, которые перечисляются, декорируют *отказ*, пытаясь смягчить его. На это послание болгарские литераторы ответили соответственно – *молчанием*.

Каждый из участников этого диалога имел свои основания. И. Бунин пытался сохранить бытие и статус русского писателя такими, какими они были до революционного переворота 1917 г. Б. Пенев, будучи извне этого бытия, выявил именно его разрыв и предложил ему альтернативу. Невозможность привести эти разные перспективы к общему знаменателю стала причиной герменевтического скандала. Форма собственного имени – „Баян“, выведенная на конверте, т. е. в публичном пространстве, и анонимизирующее обращение „господин Профессор“ (хотя и с прописной буквы) в личных письмах ставят вопрос насколько И. Бунин заметил/запомнил болгарское личное имя Пенева. Аналогичный пробел в памяти через несколько лет постигнет и Дору Габе, когда в 1926 г., после вероятной встречи с Буниными в Париже, в своем кратком послании Вере Николаевне и Ивану Алексеевичу от 25 марта из Польши, напишет, что „не помнит имя и отчество“, поскольку „так их много в русском языке“, и обратится к своим адресатам по фамилии.

В 1920 г. молчание Б. Пенева обрело женское лицо: Бунину „вместо“ профессора отвечала на русском языке его жена – Дора Габе. Думается, что факт корреспонденции, как и сами письма, вряд ли были несогласованны

19 Шполянский А. П. (1888–1957) – русский поэт, сатирик, мемуарист, писавший под псевдонимом Дон Аминадо. В январе 1920 г. он эмигрировал из Одессы через Константинополь во Францию.

с Б. Пеневым, хотя бы, потому что поэтесса подписывала их своим именем и фамилией по мужу – „Дора Габе – Пенева“. Таким образом, вероятно, удостоверяется не только родственная связь, но и имплицируется некий их *совместный* взгляд на Бунина. Доказательством тому служат многочисленные инклюзивные конструкции типа „нам рассказали“, „мы тоже было испугались“, „радость наша“, „великая для всех нас радость“, „мы лишимся этой радости“ в неопределенно-личных предложениях. Множественное число – „для всех нас“ – выражает, может быть, точку зрения не только семьи Пеневых, но и того круга болгарских литераторов, который познакомился с И. Буниным и общался с ним в Софии.

В своих ответах Дора Габе передавала и мнение профессора – „Боян сказал“. Акцент в нем ставился на оценке писателя Бунина и понимании его эмигрантской судьбы: „Бунин не родился для нашего удовольствия“, „он должен жить там, где ему лучше“, „главное в том, чтобы он жил где-нибудь на земле и творил свои чудеса“. Вместе с тем поэтесса сообщает в обоих своих ответах, что, пока она пишет, „Бояна нет дома“. Это особое присутствие в отсутствии ставит вопрос действительно ли Пенев „сказал“ все так, как ему приписывается, и что, кстати, И. Бунин подчеркнул в ответе Д. Габе. Во втором письме, чтобы объяснить молчание Б. Пенева, она добавляет еще одно весомое оправдание: он пишет по-русски „хуже“, чем она. На фоне конспектов и записей по русской литературе, сохранившихся в архиве профессора, можно усомниться в подобном утверждении. Вероятно, приведенные аргументы являются куртуазной формой маскировать нежелание Б. Пенева самому написать/ответить, за которым можно прочитать неприятие и уязвленность выбором И. Бунина. Сам писатель, общавшийся в Софии с Б. Пеневым, вероятно, на русском языке[20], вряд ли не отдавал себе отчета в этом. И хотя Бунин читал письма Доры Габе (в тексте ее ответа от 14 сентября 1920 г., сделал пометку, что „ее муж профессор“) и сохранил в своем архиве, он их *не замечал*, для него это несуществующие и несущественные ответы, может быть, потому что они написаны женщиной, пусть и талантливой поэтессой в эккермановской роли. Он не нуждался в ее посредничестве, так как значимым Другим для него была *мужская фигура – профессора Пенева*. Именно последний должен был признать выбор Бунина остаться в Париже *правильным* и сделать это *лично*. В письме от 8 сентября 1920 г. И. Бунин высказывал свое недовольство молчанием Б. Пенева, обращаясь к нему словами: „... Вы ... может быть, даже слегка разгневались на меня“ и кончая письмо в пожелательней модальности: „... хочу надеяться, что Вы все-таки когда-нибудь напишете мне“.

Подход Доры Габе очевидно отличался от стратегии Б. Пенева. Женской интуицией она пыталась, вероятно, избежать конфронтации и сохранить дар общения, проявившийся в Софии. В ее понимании

20 В своих воспоминаниях о семейной встрече с Буниными Дора Габе цитирует русскоязычную реплику Б. Пенева о ней: „Она тоже пишет стихи“ (Sarandev, 1986, p. 48).

восстановление диалога проходило через творчество. Дора Габе делилась с Буниным, что Б. Пенев написал о нем „большую студию“, „целую книгу“, и очень хвалила ее. Но это сообщение, повторенное и в двух ее ответах, оказалось неэффективным, чтобы преодолеть коммуникативный провал. До сих пор остается открытым вопрос, что случилось со статьей Пенева, которая должна была быть опубликована вместе со стихами русского поэта в авторитетном литературно-художественном журнале „Златорог“. О ней знали современники: литературный критик Малчо Николов в своем письме Б. Пеневу от 30 апреля 1920 г. отмечал: „Жду твою статью о Бунине“[21]. О том, что, вероятно, профессор „ставил себе целью написать целостное исследование о Бунине“ сообщал и болгарский литературовед Иван Радев (Radev, 2014, p. 219). Наиболее вероятно, эта публикация в своем первоначально задуманном виде не осуществилась. Среди сохранившихся рукописей в архиве главного редактора „Заторога“ Владимира Василева мне не удалось ее найти. Может, она была-разделена на части, которые вошли в две работы Б. Пенева, напечатанные в том же журнале в 1921–1922 г.[22]. Последний прижизненный текст Пенева о русском писателе – это краткий отзыв в том же журнале за 1926 г. на изданную в Париже в 1925 г. книгу Бунина „Митина любовь“.

Когда речь идет о (литературных) контактах Бунина в Софии, до сих пор тоже не обсуждался появившийся параллельный сюжет. Имеется в виду встреча двух поэтов – И. Бунина и Д. Габе. В своих воспоминаниях Дора Габе рассказывала И. Сарандеву о приходе Буниных в дом Пеневых и цитировала реплику профессора по поводу ее творчества: „Она тоже пишет стихи“ (Sarandev, 1986, p. 48). Бунин „весьма заинтересовался“ и попросил поэтессу прочитать ему что-нибудь. Дора Габе, которая знала русский язык, „прочитала несколько стихотворений“ „прямо на русском языке“, а „потом на болгарском“, чтобы гости „услышали музыку стиха“ (Sarandev, 1986, p. 48). После этого Бунин обратился к Пеневу и спросил: „А Вы ее поддерживаете? (Sarandev, 1986, p. 48).

Слова Бунина Дора Габе запомнила, поскольку, вероятно, восприняла их в контексте отстраненного отношения Б. Пенева, который, как она говорила, „просто перестал интересоваться, пишу ли я, или не пишу“. На вопрос И. Бунина она ответила утвердительно, уточняя тем не менее, что профессор „очень занят“ (Sarandev, 1986, p. 48). Ту же ситуацию, очевидно, важную для нее, Дора Габе вспомнит и в своих беседах с писательницей Снежиной Кралевой (Kraleva, 1987, pp. 78-79).

Уходя из дома Пеневых, Бунин говорил Доре Габе, что она должна „каждый день, абсолютно каждый день“ что-то писать или что-то переводить,

21 Научен архив на БАН, ф. 37К, а. е. 2807, л. 1-гръб.

22 Имею ввиду рецензию на антологию русской поэзии „Русский Парнас“ (Leipzig: Insel Verlag, 1920), составленную Александром и Давидом Элиасбергами (1921), и материал „О литературном плуте“ (1922), касающийся путей болгарского модернизма и литературных плагиатов.

чтобы таким образом „всегда быть в состоянии творчества“ (Sarandev, 1986, p. 48). Разговор с И. Буниным, как вспоминала Д. Габе, „вдохновил ее уверенностью“ (Sarandev, 1986, p. 49), поэтому вполне реально считать, что ее ответы были проявлением персонального отношения к русскому писателю: она *хотела* это сделать и не стеснялась допущенных грамматических ошибок. В пассажах от своего имени, поэтесса использует форму первого лица единственного числа, как это видно из ее ответа от 14 сентября 1920 г.: „... для Вас, Иван Алексеич, [я] приготовила стихи“ и „[мне] так хотелось узнать Ваше дорогое для меня мнение“. Таким образом, для Доры Габе Бунин превратился в мужскую фигуру, которая заметила женщину поэта „вместо“ (рискую использовать ее предлог) „ее мужа профессора“. Более того, он становится *значимым другим*, который знает истину, *как писать стихи, как творить*, инстанцией, наличие которой позволяет женщине-поэту выразиться, а ее творчеству – проявиться. Именно сквозь эту призму можно говорить о сложившихся личных отношениях Доры Габе с Иваном Буниным и коммуникации, различной от эмоциональной женской коммуникации с „белой, милой и доброй, как ангел“ Верой Николаевной Буниной. Эта личная и творческая связь с Буниными раскрывается и в последнем письме от 25 марта 1926 г., отправленном уже после разрыва с Б. Пеневым из Польши. Может быть, во время своей поездки в Париж, куда ее пригласили прочитать лекцию о болгарской литературе в 1926 г.[23], она побывала в гостях у Буниных. На этот раз Дора Габе подписала краткое послание только своей фамилией, ей уже удалось эмансипироваться и выйти из тени знаменитого мужа „профессора“. Но, как и в 1920 г., она выбрала себе роль медиатора: на той же стороне открытки, рядом с ее письмом, написала свое краткое приветствие И. Бунину жена польского поэта Яна Каспровича – Мария Каспровичова, урожденная Бунина. Этот сюжет, отсылающий к созданию транснациональной общности в 1920-х гг., также ждет своего исследователя.

Ответы Доры Габе И. Бунину не только уплотняют информацию о контактах писателя во время его пребывания в Софии в феврале-марте 1920 г., но и помогают, с точки зрения болгарского взгляда, реконструировать софийскую страницу эмигрантской жизни И. Бунина, остающейся до сих пор или незамеченной (Marullo, 1995, p. 42), или маргинализованной (Baboreko, 2009, pp. 252-253; Dvinyatina, 2020, pp. 7-8).

Опубликованные шесть писем расположены в хронологической последовательности. Их тексты приведены в соответствие с нормами современной русской орфографии и пунктуации. Использованные болгаризмы в письмах Д. Габе отмечены в постраничных сносках. Все заглавия произведений, названия организаций и цитаты помещаются в кавычки. Восстановленные в цитатах и текстах писем слова и даты

23 В своих разговорах с И. Сарандевым Дора Габе вспоминала, что три года подряд – в „1926, 1927 и 1928-м“, она получала приглашение читать лекции в Париже“ (Sarandev, 1986, p. 59).

даются в угловых скобках (<>), мои пояснения – в квадратных скобках ([]), а отмеченные мной слова и выражения набраны курсивом. Все цитаты с болгарского на русский язык приводятся в моем переводе. Ссылки на документы и на неподписанные материалы газетных хроник располагаются в постраничных сносках, при этом название источника и стандарт цитирования архива сохраняется на языке оригинала.

Настоящая публикация не могла бы состояться без ресурсов архивов. Выражаю свою признательность Русскому архиву в Лидсе (Leeds Russian Archive, University of Leeds) за предоставленный доступ к материалам Бунинской коллекции и за разрешение опубликовать тексты трех писем Доры Габе, посланных И. Бунину. Хотелось бы особо поблагодарить г-на Ричарда Дэвиса, заведующего Русским архивом в Лидсе, за благожелательное содействие и за все внимательные уточнения, касающиеся документального контекста Бунинской биографии и творчества.

Благодарю также Центральный государственный архив, Научный архив при Болгарской академии, Художественный архив Народного театра за разрешение факсимильно воспроизвести предоставленные иллюстрации и Университетскую библиотеку „Св. Климент Охридский“ за возможность получить редкие литературоведческие издания.

Письма

1.

Иван Бунин – Бояну Пеневу[24]

[Визитная карточка]

[29.II.1920 г.

София]

[Лицевая сторона]

Иван Алексеевич Бунин

Почетный академик

Княжеская, 27, тел. 18–21[25]

24 Публикуется по: Научен архив на БАН, ф. 37К, оп. 1, а. е. 2051, л. 1–1-гръб.

25 На лицевой стороне визитной карточки указан адрес И. Бунина в Одессе. На улице Княжеской № 27, в доме художника Е. И. Буковецкого, Бунин прожил с октября 1918 г. и до отъезда в эмиграцию 6 февраля 1920 г.

[Обратная сторона]

Господин Профессор[26], я был у Вас, чтобы сказать, что нынче я не могу быть дома, так как приглашен в театр, в ложу министра[27]. Зайду к Вам завтра.

Ив. Бунин

Министерская ложа в восстановленном здании Народного театра после пожара в 1923 г. С ложи спускается гобелен с изображением герба Царства Болгарии

Фотография сохранилась в архиве Владимира Василева, главного редактора журнала „Златорог“ (1920–1944) и директора Народного театра (1921–1938).

Централен държавен архив, ф. № 373К, оп. 1, а. е. 691

26 Сохраняется прописная буква оригинала.

27 Министерская ложа Народного театра находится на уровне бельэтажа (первого балкона), справа от сцены, если смотреть на сцену из зала.

2.

Иван Бунин – Бояну Пеневу[28]

[Апрель 1920 г.
Париж]
Paris, rue de la Faisanderie, 118
Chez M-me Zetline[29]

Дорогой и уважаемый Профессор[30], пожалуйста, простите, что пришлось написать из Белграда не лично Вам, а воспользоваться более верным в наши дни способом сообщения, то есть, оказией, – послать письмо через г. Лопуховского[31] Петру Александровичу Нилусу[32] с просьбой съездить

28 Научен архив на БАН, ф. 37К, оп. 1, а. е. 2052, л. 1–1-гръб. В оригинале на русском языке письмо Бунина опубликовано М. Каназирской в ее книге „После России“ в „Приложении II. Русские профессора в Софийском университете“, в подрубрике „Письма И. А. Бунина проф. Бояну Пеневу“ (Kanazirska, 2013, pp. 468–469). В пояснении отмечено, что это „письмо без даты, написано после 18 марта 1920 г., дня отъезда Бунина из София“ (Kanazirska, 2013, p. 469). Бунин уехал из Софии в Белград раньше 18 марта, о чем свидетельствует запись от 19 марта в дневнике В. Буниной: „Сижу одна в вагоне в Белграде... Ян целые дни в городе... Вчера ходили по Белграду...“ (цит. по: Dvinyatina, 2020, p. 8).

29 По этому адресу в Париже проживали Михаил Осипович Цетлин (1882–1945), литератор и меценат, и его жена Мария Самойловна Цетлина (1882–1976). Будучи финансово обеспеченными, в годы эмиграции супруги Цетлины „занимались издательской деятельностью и благотворительностью, поддерживали общественную жизнь в русском литературном сообществе Парижа, а затем Нью-Йорка“ (Bunin, 2025). Иван Бунин и Мария Цетлина познакомились в 1917 г. в Москве, и между ними установились дружеские отношения. Пока писатель пытался устроиться в Белграде, 18 марта 1920 г. была получена телеграмма, которой М. Цетлина приглашала Бунина в Париж (Dvinyatina, 2020, p. 8). Приехав туда, Бунины первоначально остановились на квартире у Цетлиных. Именно последних имеет в виду Бунин, когда дальше в письме Б. Пеневу пишет о „парижских друзьях“ и „милых заботах наших друзей и комфорте их дома“.

30 Сохраняется прописная буква оригинала.

31 В сноске № 1 к своей публикации письма, М. Каназирска отмечает, что это „неустановленное лицо“ (Kanazirska, 2013, p. 469). Вероятнее всего, речь идет о педагоге Михаиле Александровиче Лопуховском (1884–?). М. Лопуховский закончил Киевскую духовную академию со званием „кандидата богословия“. С 1912 по 1918 г. преподавал русский язык и руководил библиотекой в Первом реальном училище в Киеве (Kaganov, 2021). С лета 1919 г. участвовал в Вооруженных силах Юга России. В начале 1920 г. эвакуировался на пароходе „Спарта“. В эмиграции жил в Чехословакии, в 1922–1926 гг. состоял членом Союза русских педагогов в Чехословакии (Volkov, 2025). М. Лопуховский преподавал в Русской реформированной реальной гимназии в Моравской Тршебове (Sládek, Běloševská, 1998, p. 286). Выражаю свою исключительную благодарность проф. Ирине Антанасиевич (Белградский университет), которая обратила мое внимание на факт, что Лопуховский эвакуировался из Одессы на том же пароходе „Спарта“, что и Бунины. Когда Бунин и Лопуховский познакомились, вместе ли Бунины и Лопуховские (жена Лопуховского – Людмила Акимовна (1893–?) тоже фигурирует в хрониках русского образовательного дела в Чехословакии (Sládek, Běloševská, 1998, pp. 186, 286) добирались до Софии, какие у них сложились отношения, в чем состояла роль Лопуховского, который очевидно пользовался доверием Бунина и, имея военный опыт, сопровождал Буниных в их пути из Софии в Белград, остаются пока открытыми вопросами.

32 Нилус, Петр Александрович (1869–1943) – русский и украинский художник-импрессионист

к Вам и рассказать о нас. Теперь повторяю подробнее то, что, надеюсь, уже известно Вам от него. Поездка наша до Белграда была долга и тяжела, было очень холодно, голодно и беспокойно, ибо вагон мой[33], – за который я еще раз приношу благодарность Вашей железнодорожной администрации, и который г. Лопуховский, я уверен, доставил в Софию в полной сохранности, – поежечасно и весьма грубо осаждали русские беженцы. В Белграде много хлопотали для меня о помещении, но мы предпочли остаться жить в вагоне, откуда я и совершал походы в город по разным делам, и все это, т. е. тяжелый путь, цыганская жизнь в вагоне, всяческие беспокойства и прочее, привело меня в состояние еще более плохое, чем в Софии. Мы с

и писатель, один из организаторов Одесского литературно-артистического общества, членом которого состоял и И. Бунин. Нилус и Бунин были знакомы „с 1898 г.“ (Baboreko, 1994, p. 69). Их связывала многолетняя дружба, которая, по словам В. Н. Буниной, „перешла почти в братские отношения“ (Muromtseva – Bunina, 1989, p. 177). В Одессе Нилус жил в доме своего друга художника Е. И. Буковецкого на улице Княжеской 27, где снимали квартиру Бунины с 1918 до эмиграции в 1920 г. Нилус эвакуировался из Одессы вместе с писателем А. М. Федоровым на пароходе „Витязь“, прибывшем в Варну 7 января 1920 г. (См.: Dimitrov, 2010, p. 148). В Софии Федоров и Нилус остановились в гостинице „Континенталь“, предоставленной русским эмигрантам, в ней по приезде в Софию разместились и Бунины. Они помогали Бунину освоиться в софийской жизни. По утверждению А. Бабореко, Нилус и Федоров „познакомили“ Бунина с профессором Бояном Пеневым и его женой поэтессой Дорой Габе (Baboreko, 1994, p. 69). В Софии Нилус устроил персональную выставку своих картин, открытую 4 апреля 1920 г. в зале Рисовального училища (Художественной академии) (Хроника. Газета „Мир“ от 30. 03. 1920 г., № 5962, с. 2; Хроника. Газета „Мир“ от 2.04.1920 г., № 5965, с. 2). Писатель Стилиян Чилингиров в своем очерке „Александр Митрофанович. Федоров“, вспоминал, что на одной из выставок русских эмигрантов болгарские художники обвинили Нилуса в „плагиате“ имея в виду одну из его картин. Выставка была „компрометирована“, картины остались „непроданными“, а Нилус скоро уехал из Болгарии (Chilingirov, 2010, pp. 168, 187). Если судить по просьбе Бунина, можно считать, что его доверенным лицом среди русских эмигрантов в Софии был именно Нилус.

33 В автобиографическом очерке „Гегель, фрак, метель“, опубликованном в книге „Воспоминания“ (Париж, 1950) Бунин рассказывал о своей поездке в Белград, призванной компенсировать ограбление в гостинице „Континенталь“: „И вот болгарское правительство предложило мне бесплатный проезд до Белграда в отдельном вагоне третьего класса, наиболее безопасном от тифозных вшей, и небольшую сумму болгарских денег на пропитание до Белграда. А в Белграде, где нам пришлось жить в этом вагоне возле вокзала на запасных путях, – так был переполнен в ту пору Белград, – я не только никак не устроился, но истратил на пропитание даже и то, что подарило мне болгарское правительство“ (Bunin, 1950, p. 252). Об этой поездке писал и А. М. Федоров в своей статье „Злоключения Бунина в Болгарии“ (1933): „Болгарское правительство заботливо предоставило своему знаменитому гостю отдельное купе первого класса до самой границы“ (Цит. по: Kanazirska, 2013, p. 474). Несмотря на дистанцию времени Бунин точнее, чем Федоров, воспроизводит факты. В своей книге о развитии вагонного парка в Болгарии С. Стоичков отмечает, что в период с 1890 по 1935 гг. из Софии в Белград ходили пассажирские „вагоны третьего класса (C III)“ (Stoichkov, 2023, p. 192). Сначала это были общие вагоны, в которых деревянные сиденья, расположенные друг против друга, образуют купейные ниши. Впоследствии меняются технические параметры, и появляются новые модификации этого типа вагонов. Неизвестно какая разновидность вагона третьего класса была предоставлена Бунину, но отсутствие удобств в сочетании с тогдашней скоростью движения поездов вполне объясняют почему Бунин назвал поездку „долгой и тяжелой“. Выражаю свою признательность г-же Даринке Йордановой (Национальный музей транспорта и путей сообщений) за помощь и предоставленную информацию.

Верой Николаевн<ой> стали все более сомневаться, смогу ли я достойно читать в Вашем университете, но все же, уезжая[34] из Белграда в Париж, куда, как Вы знаете[35], вызвали меня телеграммой по серьезным делам[36], и где нам предложили свое помещение наши парижские друзья, я с полной искренностью писал Вам через Петра Александровича[37], что надеюсь возвратиться в Софию в конце апреля и только в крайнем случае, т. е., если уж очень мне будет плохо или если очень задержат дела, просить Вас разрешить мне читать у Вас с осени, после каникул, если, конечно, это возможно и интересно Вам. К сожалению, в наличности именно этот случай. Новый путь так утомил меня, что первые дни в Париже я от слабости и сердцебиения буквально не мог ста шагов сделать. Врачи мне предписали полнейший покой, вспрыскивания[38] мышьяку[39], обтирания[40], усиленное питание и пр<очее>. Благодаря всему этому, равно как и милым заботам наших друзей и комфорту их дома, я теперь понемногу прихожу в себя, но уже ~~теперь~~[41] совсем ясно вижу, что мне и думать нечего о чтении лекций[42] раньше осени. Из газет я узнал, что я утвержден профессором Вашего университета[43], – позвольте же просить Вас передать Вашим коллегам и Вашему министерству мою глубокую благодарность за эту честь и мои извинения, что я не могу в данный момент использовать ее. Глубоко благодарю и Вас лично за ту сердечность и приветливость, которую Вы проявили ко мне, – с полной правдивостью

34 В своей публикации на болгарском языке этого письма после „уезжая“ И. Сарандев поставил уточняющую сноску, что „в написании слова нельзя с уверенностью разобраться“ (Sarandev, 1970, p. 41). В оригинале письма слово „уезжая“ написано достаточно разборчиво.

35 Словосочетание „как Вы знаете“, подчеркивает, усиливая смысл, что Бунину известно, что Бояна Пенева осведомили о фактах белградской жизни русского писателя, в том числе и о полученной им телеграмме.

36 Телеграмма М. С. Цетлин на французском языке и в переводе на русский приводится Т. Двинятиной во втором томе книги „Иван Бунин: Биографический пунктир“: „Будем очень счастливы принять вас у нас в Париже, 118, rue [de la] Faisanderie, телеграфируйте о дне Вашего прибытия. Цетлина“ (Dvinyatina, 2020, p. 8). „Серьезные дела“ в тексте телеграммы не упоминаются.

37 Петра Александровича Нилуса.

38 В публикации М. Каназирской – „впрыскивание“ (Kanazirska, 2013, p. 468).

39 В переводе письма И. Сарандевым на французский язык словосочетание „вспрыскивания мышьяку“ пропущено (Sarandev, 1969, p. 95). В переводе на болгарский язык слово „мышьяку“ также пропущено. Вместо него И. Сарандев ставит многоточие, поясняя в сноске, что „слово зачеркнуто автором в рукописи“ (Sarandev, 1970, p. 41). Последнее не соответствует истине.

40 В публикации М. Каназирской – „обтирание“ (Kanazirska, 2013, p. 469).

41 Слово „теперь“ зачеркнуто И. Буниным в оригинале. В своих публикациях перевода письма на французский язык (Sarandev, 1969, p. 95) и на болгарский (Sarandev, 1969, p. 41) И. Сарандев сохраняет „теперь“ в тексте письма, снабжая пометкой, что „слово зачеркнуто автором в рукописи“ (Sarandev, 1969, p. 95).

42 В публикации М. Каназирской – „лекции“ (Kanazirska, 2013, p. 469).

43 Л. Спасов утверждает, что Бунин „узнал“ о своем утверждении „преподавателем Софийского университета“ „весной“ 1920 г. „из эмигрантской прессы в Париже“, и интерпретирует это письмо Бунина Бояну Пеневу как „благодарственное“ (Spasov, 1992, p. 52). Он не приводит никакие ссылки на конкретные периодические издания. Мне не удалось установить в каких эмигрантских газетах было опубликовано сообщение об утверждении Бунина в должности профессора Софийского университета.

говорю Вам, что у нас осталось самое прекрасное и нежное воспоминание о Вашем доме[44]. Шлю Вам истинно дружеский привет и почтительно целую руку Вашей супруге[45]. Пожалуйста, напишите нам и передайте мой поклон милому, доброму Александру Дмитриевичу Дзивгову[46]. Весну мы надеемся провести в Париже, лето – еще один Бог знает где[47].

Преданный Вам Ив. Бунин

3.
Дора Габе-Пенева – Ивану Бунину[48]

[Без даты

София]

Многоуважаемые и дорогие Вера Николаев<на> и Иван Алексеич[49],

Очень, очень, очень рады, что вы наконец доплыли до берега и там, может быть, немного успокоились. Нам рассказали[50], что вам пришлось пережить по дороге!

---

44 В Софии Бунины приходили к профессору Бояну Пеневу и его жене – поэтессе Доре Габе, в их дом на улице „Солун“ № 7. Впоследствии Дора Габе воспоминала, что Бунины побывали в гостях у Пеневых „два или три раза“ (Sarandev, 1986, p. 48). Во время этих семейных встреч Бунин проявил интерес к поэзии Д. Габе, которая прочитала ему свои стихи на русском языке. См.: Sarandev, 1986, pp. 48-49; Kraleva, 1987, pp. 78-79.

45 Доре Габе.

46 Дзивгов, Крум-Александр Димитров (1895–1936) – болгарский литературный критик и публицист, „последователь“ А. Бергсона. Дзивгов хорошо знал творчество русских символистов, в особенности Владимира Соловьева, увлекался „русским мистицизмом и религиозным мессианизмом“ (Pencheva, 2013, p. 13). В 1920-е гг. его дом в Софии был открыт для всех русских эмигрантов, обращавшихся к нему за помощью. Дзивгов был лично знаком с И. Буниным, о котором сообщал в статье „Русские писатели в Болгарии“ (1922), что тот в 1920 г. проехал через Болгарию „со скоростью метеора“ (Dzivgov, 1922, p. 10). Болгарский литературный деятель Константин Попов (1883–1954) в своем рассказе о встречах с И. Буниным в Праге в 1936 г. вспоминал, что Бунин отзывался о Дзивгове как об „европейце между болгарами“ (Mohovoy, 1936, p. 1).

47 В публикации М. Каназирской слово „где“ пропущено (Kanazirska, 2013, p. 469).

48 Публикуется по: Leeds Russian Archive. MS 1066/2554.

49 В обращении к Вере Николаевне Буниной Дора Габе повторяет принцип сокращения отчества, использованный И. Буниным в первом письме Пеневу – „Мы с Верой Николаевн<ой>“. С другой стороны, поскольку отчество написано Дорой Габе совсем в конце строчки, совпадающем с краем бумаги, вполне возможно, что это сокращение механично и вызвано тем, что просто не хватило места закончить слово. В обращении к Бунину разговорная форма отчества „Алексеич“ может быть знаком расположения к другому, дружественности, симпатии.

50 Ср. с началом письма Бунина Б. Пеневу: „... пришлось написать из Белграда не лично Вам, а воспользоваться оказией, – послать письмо ... Петру Александровичу Нилусу с просьбой съездить к Вам и рассказать о нас“. Эту просьбу Бунина П. Нилус, очевидно, исполнил.

Где бы вы ни были[51], далеко или еще дальше, думаете или совсем забыли о нас, радость наша будет только, если вы здоровы и, если вы себя хорошо чувствуете. Боян написал большую студию[52] о Вас, Иван Алексеич, (скажу Вам на ухо, что она так серьезно[53], глубоко и хорошо написана, что понравится Вам больше всего, что Вы до сих пор о себе читали... увидите!). Статья[54] выйдет в будущей книжке вместе с Вашими стихами в „Златороге“[55].

Если Вы приедете, это будет великая для всех нас радость, ежели это Вам трудно и невозможно, никто [из-]за этого худого слова не скажет – не считайтесь с никакими обязательствами, а будьте свободны и выбирайте только то, что для вас хорошо.

Очень прошу не смеяться[56] над моими ужасными ошибками – я никогда по-русски[57] не писала.

Целую Вас, белая, милая и добрая, как ангел, Вера Николаевна[58]. Жму сердечно руку Ивана Алексеича.

Ваша Дора Габе-Пенева[59]

Спешу послать письмо – Бояна нет дома, и поэтому не пишет.

4.

Иван Бунин – Бояну Пеневу[60]

8 сент<ября> 1920 г.

48 bis, rue Raymonard, Paris (XVI)[61]

Дорогой Профессор[62], очень огорчен, что ни Вы, ни А. Д. Дзивгов не ответили на мои письма[63] (заказные, значит, вероятно, дошедшие к Вам).

51 В оригинале письма – „где бы вы не были“.

52 Интерференция с болгарским языком, в котором „студия“ означает „большая статья“.

53 В оригинале письма – „сериозно“.

54 В оригинале письма – „статия“.

55 „Златорог“ – ежемесячный литературно-художественный журнал, выходящий в Софии в 1920–1943 гг. Публикация статьи Пенева совместно со стихами Бунина в журнале не осуществилась.

56 В оригинале письма – „смеятся“.

57 В оригинале письма – „по-руски“.

58 Вера Николаевна Бунина.

59 В подписи Доры Габе здесь и в ее ответе от 14 сентября 1920 г. присутствует и ее фамилия по мужу – Пенева.

60 Публикуется по: Научен архив на БАН, ф. 37К, оп. 1, а. е. 2053, л. 1. В оригинале на русском языке письмо Бунина опубликовано М. Каназирской в ее книге „После России“ в „Приложении II. Русские профессора в Софийском университете“, в подрубрике „Письма И. А. Бунина проф. Бояну Пеневу“ (Kanazirska, 2013, p. 470).

61 Адрес первой парижской квартиры Буниных, снятой во второй половине июля 1920 г. (Ponomarev, 2024).

62 Сохраняется прописная буква оригинала.

63 Множественное число существительного – „письма“ – дает основание думать, что речь

Я пояснял в них причину, по которой я не вернулся в Софию к маю, как обещал, но Вы, видимо, не придали ей особого значения и, может быть, даже слегка разгневались на меня, что я понапрасну ввел Вас в заботы и хлопоты обо мне. Ну, что же, очень грустно, простите и еще раз примите благодарность за них. Не получив от Вас ни строки за все лето, я, конечно, взял на себя обязательства здесь[64], редактирование классиков, издаваемых парижским „Объединением земских и городских деятелей“[65], и участие в книгоиздательстве „Русская земля“[66], недавно здесь начавшем действовать. Крепко жму Вашу руку, от души желаю Вам всего доброго, прошу передать наш с Верой Николаевной привет Вашей супруге и хочу надеяться, что Вы все-таки когда-нибудь напишете[67] мне.

Сердечно преданный Вам

Ив. Бунин

5.

Дора Габе-Пенева – Ивану Бунину[68]

София

14.IX.<1>920 <г.>

идет не только о первом письме Бунина Бояну Пеневу, посланном из Парижа в апреле 1920 г., но, вероятно, и о письме, отправленном Александру Дзивгову. На сохранившемся конверте бунинского письма почерком писателя помечено „Recommandée“ и наклеена марка с напечатанным текстом „R / Paris – 78 № 852“, подтверждающая, что письмо, действительно, было заказным. См. Научен архив на БАН, ф. 37К, оп. 1, а. е. 2051, л. 2.

64 В публикации М. Каназирской слово „здесь“ пропущено (Kanazirska, 2013, p. 470).

65 „Объединение земских и городских деятелей за границей“ было учреждено русскими эмигрантами в Париже летом 1920 г. Среди книг с логотипом „Издание Объединения земских и городских деятелей за границей“ мне удалось разыскать только следующие заглавия: Русским детям. [Ред. Н. И. Бутковская]. Народные русские сказки, песни, шутки. Рисунки А. Шервашидзе (Париж, 1921); Проф. В. Ф. Тотомианц. История экономических и социальных учений (Париж, 1921). В январе 1921 г. „Объединение...“ вместе с другими организациями вошло в состав сформированного „Российского земско-городского комитета помощи российским гражданам за границей“, знакомого по акрониму „Земгор“.

66 „Русская земля“ – эмигрантское издательство в Париже, созданное в конце 1920 г. группой русских писателей – А. Н. Толстым, И. А. Буниным, А. И. Куприным, К. Д. Бальмонтом и др. Издательство было связано и частично финансировалось „Земско-городским комитетом помощи российским гражданам за границей“ („Земгором“). Оно ставило себе целью публиковать произведения русских эмигрантских писателей. За год своего существования „Русская земля“ выпустила 13 книг, среди которых три сборника Бунина с переизданием его дореволюционных произведений: „Господин из Сан-Франциско“ (1921), „Деревня“ (1921) и „Чаша жизни“ (1921). Подробнее см.: Shomrakova, 2005, p. 263; Abolina, 2019, p. 236. Выражаю свою коллегиальную благодарность проф. Владимиру Хазану (Еврейский университет в Иерусалиме) за помощь в уточнении деятельности русских эмигрантских издательств.

67 В публикации М. Каназирской – „напишите“ (Kanazirska, 2013, p. 470).

68 Публикуется по: Leeds Russian Archive. MS 1066/2553.

Уважаемый Иван Алексеич,

Только что получилось второе письмо от Вас от 9.IX.<1>920 <г.>[69]. В защиту Бояна[70] скажу Вам, что он не только не рассердился, когда узнал, что Вы в мае не приедете, но даже сказал, что Бунин не родился для нашего удовольствия, что он должен жить там, где ему лучше, что главное в том, чтобы он жил где-нибудь на земле и творил свои чудеса[71]. Мы тоже было испугались о Вашем здоровье[72] и так радовались потом, что Вы хорошо устроились и немного восстановили здоровье. Тогда я Вам ответила вместо Бояна, потому что, хотя и я очень плохо пишу по-русски[73], он пишет хуже меня, а это для филолога, наверное, [зачеркнутое слово не читается] равносильно смерти.

Писала я Вам, чтобы не беспокоились о том, что дали слово приехать: что мы лишимся этой радости, если [зачеркнутое слово не читается] необходимо для Вас остаться[74] в Париже и что Вы можете приехать когда хотите – Ваше место всегда будет Вас ждать.

Писала о том, что стихи Ваши все ждали статью Бояна, чтобы напечатать их вместе в „Златороге“, но он так увлекся Вами, что вышла целая студия – целая книга. Скажу Вам на ухо, что она так хорошо написана и так много нового сказано о Вас, что Вы сами будете доволен. Все, что до сих пор было напечатано о Вас, не может сравниться[75] с [зачеркнутое слово не читается] его студией. Так глубоко он Вас понял и почувствовал. К сожалению, еще не окончил, потому что нервы его расстроены, и неврастения прогнала его в горы.

Светлой Вере Николаевне жму крепко белые ручки и целую. Я так радовалась, что увижу ее эту осень. Я не имею подруг – которых имела, уехали! А для Вас, Иван Алексеич, приготовила стихи, и так хотелось узнать Ваше дорогое для меня мнение.

Будьте здоровы и счастливы. В самом деле, ведь важно то, что Вы живете и творите.

Жму руку.

Ваша Дора Габе-Пенева

---

69 Дора Габе, вероятно, датирует письмо Бунина по штемпелю на конверте, т. е. берет в счет дату отправления письма, а не дату его написания – 8 сентября 1920 г.

70 Речь идет о Бояне Пеневе. В письме слово „Бояна“ подчеркнуто и помечено крестиком, а в верхнем поле страницы поставлен тот же крестик, и почерком Бунина написано пояснение – „ее муж профес<сор>“.

71 Фраза „творил свои чудеса“ подчеркнута, вероятно, Буниным, а весь фрагмент текста, начиная со слов „но даже сказал“ и до „творил свои чудеса“ помечен вертикальной линией в левом поле листа.

72 В оригинале письма – „здоровьи“. Вероятно, под влиянием болгарского языка русская конструкция „испугались за Ваше здоровье“ трансформируется.

73 В оригинале письма – „по-руски“.

74 В оригинале письма – „остатся“.

75 В оригинале письма – „сравнится“.

6.

Дора Габе – Ивану и Вере Буниным[76]

Harenda. Zakopane[77]

25.III.<1>926 <г.>

Дорогие г-жа и г-н Бунин (не помню имя и отчество – так их много в русском[78] языке, а я не привыкла!),

В ответ на вашу сердечность и гостеприимство[79], я бесследно исчезла! Неожиданно поехала в Лондон, а теперь я уже две недели у Яна Каспровича, жена которого – Бунина[80]. Может быть, родственница. Она такая чудная, что может только быть Вашей родственницей. Поэт болен, лежит!

Мы в горах – снег, горы как неземные! Вспомните обо мне и не судите жестоко.

Дора Габе

Сердечный привет от незнакомой, но немного Вам родной и по фамилии, и по душе, которая, хотя и оторванная много лет от родины – осталась русскою.

Мария Каспрович

---

76 Публикуется по: Leeds Russian Archive. MS 1066/3179. Письмо написано на оборотной стороне почтовой карточки с видом вершины горы Свинница в Татрах. Текст размещается в двух колоннах: слева – письмо Доры Габе, написанное ее почерком, а справа – короткое приветствие, принадлежащее Марии Каспровичовой. Здесь тексты воспроизводятся не параллельно, а последовательно друг за другом.

77 Вила „Харенда“ недалеко от Закопане – дом, купленный польским поэтом-модернистом, переводчиком и драматургом Яном Каспровичем (1860–1926), в котором он жил с конца 1923 г. вместе со своей женой – Марией Каспровичовой (1887–1968). После издания своих переводов с польского в антологии „Польские поэты“ в 1921 г., Д. Габе уехала в Польшу, где встретилась с Яном Каспровичем, пригласившим ее в свой „сельский дом“. Там Дора Габе познакомилась и с его женой Марией, с которой подружилась. Дора Габе часто гостила в „Харенде“, в 1923 г. ее приезд был связан с работой над переводом с польского на болгарский язык „Гимнов“ Каспровича. При ее посредничестве Боян Пенев тоже познакомился с Каспровичовами (См.: Sarandev, 1986, pp. 50-52). Об отношениях, сложившихся между участниками этого особого писательского четырехугольника см. работы Калины Бахневой: 1) „Тази вечер слушах «Тайнхойзер»“. Театрализирането на епистоларния диалог между Боян Пенев и Мария Каспрович. В: *Bułgarzy na Uniwersytecie Jagiellońskim*. Red. J. Rusek i W. Stępniak-Minczewa. Kraków: Wyd. UJ, 2002, 133-161; 2) За бунта на Мария Каспрович и българската му следа. В: *Паисиеви четения. Международна славистична конференция*. Пловдив, 13-14 октомври 2006 г. Литературознание. Фолклор. Научни трудове. Т. 44, кн. 1, сб. Б. Пловдив: ПУ „Паисий Хилендарски“, 2006, 267-279.

78 В оригинале письма – „руском“.

79 В оригинале письма – „гостеприемство“.

80 Мария Викторовна Каспровичова была дочерью русского царского генерала Виктора Бунина и шведки Марии Андерсон. В 1911 г. она стала третьей и последней женой поэта Яна Каспровича.

References

Abolina, M. (2019). I. A. Bunin i izdatel'skaya deyatel'nost' russkoy emigratsii (1920–1950 gg.). *Literaturnyy fakt*, 1 (11), 234-253. [Аболина, М. И. А. Бунин и издательская деятельность русской эмиграции (1920–1950 гг.). *Литературный факт*, 2019, 1 (11), 234-253.]

Baboreko, A. (1994). Pis'ma I. A. Bunina k A. M. Fedorovu. „Grustny tvoi vesti...“. Publikatsiya, vstupleniye i kommentariy A. K. Baboreko. *Nashe naslediye*, 32, 68-82. [Бабореко, А. Письма И. А. Бунина к А. М. Федорову. „Грустны твои вести...“. Публикация, вступление и комментарий А. К. Бабореко. *Наше наследие*, 1994, 32, 68-82.]

Baboreko, A. (2009). *Bunin. Zhizneopisaniye*. 2-ye izd. Moskva: *Molodaya* gvardiya. [Бабореко, А. *Бунин. Жизнеописание*. 2-е изд. Москва: Молодая гвардия, 2009.]

Bunin, I (1950). Gegel', frak, metel'. *Vospominaniya*. Parizh: Knigoizdatel'stvo Vozrozhdeniye, 248-260. [Бунин, И. Гегель, фрак, метель. *Воспоминания*. Париж: Книгоиздательство Возрождение, 1950, 248-260.]

Bunin, I., Bunina V. (1981). *Ustami Buninykh. Dnevniki Ivana Alekseyevicha i Very Nikolayevny i drugiye arkhivnyye materialy pod red. Militsy Grin. V trekh tomakh. T. II*. Frankfurt-na-Mayne: Posev. [Бунин, И.; Бунина В. *Устами Буниных. Дневники Ивана Алексеевича и Веры Николаевны и другие архивные материалы под ред. Милицы Грин. В трех томах. Т. II*. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1981.]

Bunin, I. (2025). Pis'mo k Marii Tsetlinoy. *Artefakt – gid po muzeyam Rossii*. [Бунин, И. Письмо к Марии Цетлиной. *Артефакт – гид по музеям России*, 2025. https://ar.culture.ru/ru/subject/pismo-13

Chilingirov, S. (1933). Ivan Alekseevich Bunin v Sofia. *Literaturen glas. Sedmichnik za literatura, izkustvo i obshtestveni vaprosi*, 210, 4. [Чилингиров, С. Иван Алексеевич Бунин в София. *Литературен глас. Седмичник за литература, изкуство и обществени въпроси*, 1933, 210, 4.]

Chilingirov, S. (2010). Aleksandar Mitrofanovich Feodorov. Vstaplenie, podgotovka na teksta, publikatsiya i belezhki Emil Dimitrov. In: R. Rusev, Y. Lyutskanov, H Manolakev (Eds.). *„Pogaslo dnevnoe svetilo...“. Ruskata literaturna emigratsiya v Balgariya 1919–1944*. Sofia: Akademichno izdatelstvo *Prof. Marin Drinov*, 2010, 161-200. [Чилингиров, С. Александър Митрофанович Феодоров. Встъпление, подготовка на текста, публикация и бележки Емил Димитров. В: Р. Русев, Й. Люцканов, Х. Манолакев (съст и ред). *„Погасло дневное светило...“. Руската литературна емиграция в България 1919–1944*. София: Академично издателство „*Проф. Марин Дринов*“, 2010, 161-200.]

Dvinyatina, T. (2020). *Ivan Bunin: Biograficheskiy punktir. T. 2 (1920–1953)*. SPb: Vita Nova. [Двинятина, Т. *Иван Бунин: Биографический пунктир. Т. 2 (1920–1953)*. СПб: Вита Нова, 2020.]

Dzivgov, A. (1922). Ruski pisateli v Bulgaria. *Balkanski zhurnal*, 5, 9-10. [Дзивгов, А. Руски писатели в България. *Балкански журнал*, 1922, 9-10.]

Dimitrov, E. (2004). Ivan Bunin i Bulgaria. *Literaturen vestnik*, XIV, 40, 1-7. 12. 2004, 12-13. [Димитров, Е. Иван Бунин и България. *Литературен вестник*, XIV, 40, 1-7 дек. 2004, 12-13.]

Dimitrov, E. (2010). Stiliyan Chilingirov i Aleksandar Mitrofanovich Fyodorov. In: R. Rusev, Y. Lyutskanov, H Manolakev (Eds.). *„Pogaslo dnevnoe svetilo...“. Ruskata literaturna emigratsiya v Balgariya 1919–1944*. Sofia: Akademichno izdatelstvo *Prof. Marin Drinov*, 2010, 146-160. [Димитров, Е. Стилиян Чилингиров и Александър Митрофанович Фьодоров. В: Р. Русев, Й. Люцканов, Х. Манолакев (съст и ред). *„Погасло дневное светило...“. Руската литературна емиграция в България 1919–1944*. София: Академично издателство *„Проф. Марин Дринов“*, 2010, 146-160.]

Fedorov, A. (1933/2013). Zloklyucheniya Bunina v Bolgarii. Chudesnoye izbavleniye ot smerti, blagodarya druzheskomu uzhinu. Zhestokoye ogrableniye Bunina v otel' Kontinental' (Pis'mo iz Sofii). *Segodnya*, Riga, 325, 25 noyabrya 1933 g., 2. In: M. Kanazirska. *Posle Rossii. K probleme kul'tury rossiyskoy emigratsii v Bolgarii (1920–1940)*. Veliko Tyrnovo: *Ivis*, 2013. [Федоров, А. Злоключения Бунина в Болгарии. Чудесное избавление от смерти, благодаря дружескому ужину. Жестокое ограбление Бунина в отель Континенталь (Письмо из Софии). *Сегодня*, Рига, 325, 25 ноября 1933 г., 2. В: М. Каназирска. После России. К проблеме культуры российской эмиграции в Болгарии (1920–1940). Велико Тырново: „Ивис“, 2013, 470-474.]

Kaganov, V. (2021). Kiev. Pervoye real'noye uchilishche. Uchitelya. [Каганов, В. Киев. Первое реальное училище. Учителя. https://proza.ru/2021/10/23/1861

Kanazirska, M. (2013). *Posle Rossii. K probleme kul'tury rossiyskoy emigratsii v Bolgarii (1920–1940)*. Veliko Tyrnovo: *Ivis*. [Каназирска, М. *После России. К проблеме культуры российской эмиграции в Болгарии (1920–1940)*. Велико Тырново: „Ивис“, 2013.]

Konstantinov, K. (2015). *Pat prez godinite. Spomeni*. Sofia: Izdatelstvo *Zahariy Stoyanov*. [Константинов, К. *Път през годините. Спомени*. София: Издателство „Захарий Стоянов“, 2015.]

Kraleva, S. (1987). *Dokosvane do Dora Gabe*. Sofia: Izdatelstvo na Otechestveniya front. [Кралева С. *Докосване до Дора Габе*. София: Издателство на Отечествения фронт, 1987.]

Kyoseva, Ts. (2002). *Bulgaria i ruskata emigratsiya 20-te – 50-te godini na XX v.* Sofia: Mezhdunaroden tsentar po problemite na maltsinstvata i kulturnite vzaimodeystviya. [Кьосева Ц. *България и руската емиграция 20-те – 50-те години на XX в.* София: Международен център по проблемите на малцинствата и културните взаимодействия, 2002.]

Marullo, T. (1995). *Ivan Bunin: From the Other Shore. 1920–1933*. Chicago: Ivan R. Dee.

Mohovoy [Popov, K.]. (1936). Sreshta s Bunina (Pismo ot Praga). *Mir. Organ na Narodnata partiya*. 10886, 1. [Моховой. Среща с Бунина (Писмо от Прага). *Мир. Орган на Народната партия*. 1936, 10886, 1.]

Muromtseva–Bunina, V. (1989). *Zhizn' Bunina 1870–1906. Besedy s pamyat'yu*. Moskva: Sovetskiy pisatel'. [Муромцева–Бунина В. *Жизнь Бунина 1870–1906. Беседы с памятью*. Москва: Советский писатель, 1989.]

Penev, B. (1920/1974). Stenografski doklad, koyto preporachva pred Akademicheskiya savet Ivan Bunin da chete lektsii po ruska literatura. Tsit. po: Valchanova, Dimka. Boyan Penev za Ivan Bunin. *Ezik i literatura*, 3, 61-64. [*Пенев* Б. Пенев, Б. Стенографски доклад, който препоръчва пред Академическия съвет Иван Бунин да чете лекции по руска литература. Цит. по: Вълчанова, Димка. Боян Пенев за Иван Бунин. Език и литература, 1974, № 3, 61-64.]

Pencheva, R. (2013*). Predgovor. „Az obvinyavam!“ ili aferata „Drayfus“ po bulgarski*. In: A. Dzivgov. *Literatura i obshtestvo. Izbrani statii.* Sastavitel Radka Pencheva. Sofiya: „Iztok–Zapad“, 2013, 9–22. [Пенчева, Р. *Предговор. „Аз обвинявам!“ или аферата „Драйфус“ по български*. В: Дзивгов, А. *Литература и общество. Избрани статии*. Съставител Радка Пенчева. София: „Изток – Запад“, 2013, 9-22.]

Ponomarev, E. (2024). *Parizh. Adres I. A. Bunina*. [Пономарев, Е. *Париж. Адрес И. А. Бунина*.] https://www.domrz.ru/map/parizh/adres-i-a-bunina/

Radev, I. (2014). *Ivan Alekseevich Bunin i bulgarskata literatura*. In: I. Radev. *Bulgarsko-ruski sreshti v literaturata na XIX–XX vek*. Sofia: Akademichno izdatelstvo „Prof. Marin Drinov” 199-230. [Радев, И. *Иван Алексеевич Бунин и българската литература*. В: И. Радев. *Българско-руски срещи в литературата на XIX–XX век*. София: Академично издателство „Проф. Марин Дринов“, 2014, 199-230.]

Sarandev, I. (1969). Dialogues. Boyan Penev; Ivan Bounine; Jan Gzegojewski; Watson Kirconnell et Alfred Jensen. *Obzor. Revue de litterature et d`arts*, 2, 93-98.

Sarandev, I. (1970). I. A. Bunin do Boyan Penev. *Rodna rech*, 9, 39-41. [Сарандев, И. И. А. Бунин до Боян Пенев. *Родна реч*, 1970, 9, 39-41.]

Sarandev, I (1986). *Dora Gabe. Literaturni anketi*. Sofia: Nauka i izkustvo. [Сарандев, И. *Дора Габе. Литературни анкети*. София: Наука и изкуство, 1986.]

Shomrakova, I. (2005). „Russkaya zemlya“. In: P. Bazanov, S. Kremnev, T. Kuznetsova, I. Shomrakova. *Izdatel'stva i izdatel'skiye organizatsii russkoy emigratsii 1917–2003 g. Entsiklopedicheskiy spravochnik*, SPb.: FormaT, 263. [Шомракова И. „Русская земля“. В: П. Базанов, С. Кремнев, Т. Кузнецова, И. Шомракова. *Издательства и издательские организации русской эмиграции 1917–2003 г. Энциклопедический справочник*. СПб.: ФормаТ, 2005, 263.]

Sládek, Z., Běloševská, L. *(1998). Dokumenty k dějinám ruské a ukrajinské emigrace v Československé republice (1918–1939*). Praha: Euroslavica.

Spasov, L. (1992) ... Iskren i vdahnoven poet. *Ruska beseda*, 2, 51-54. [Спасов, Л. ... Искрен и вдъхновен поет. *Руска беседа*, 1992, 2, 51-54.]

Spasov, L. (2004). Ruskite pisateli emigranti v Bulgaria prez 20-te-30-te godini. In: P. Filkova, G. Rupcheva, T. Shamray (Eds.). *Doayenat. Yubileen sbornik, posveten na 100-godishninata na prof. Nikolay Mihaylovich Dilevski*. Sofia: Universitetsko izdatelstvo „*Sv. Kliment Ohridski*“, 482-490. [Спасов, Л. Руските писатели емигранти в България през 20-те-30-те години. В: П. Филкова, Г. Рупчева, Т. Шамрай (съст.). *Доайенът. Юбилеен сборник, посветен на 100-годишнината на проф. Николай Михайлович Дилевски*. София: Университетско издателство „Св. Климент Охридски“, 2004, 482-490.]

Stoichkov, S. (2023). *Patnicheskite vagoni v bulgarskite zheleznitsi: 1867–2012. Chast 1*. Sofia: Siela. [Стоичков, С. *Пътническите вагони в българските железници: 1867–2012. Част* 1. София: Сиела, 2023.]

Volkov, S. (2025). Baza dannykh № 2: “Uchastniki Belogo dvizheniya v Rossii» na yanvar”. Bukva L. [Волков, С. База данных № 2: “Участники Белого движения в России” на январь 2025. Буква Л.] https://swolkov.org/2_baza_beloe_dvizhenie/pdf/Uchastniki_Belogo_dvizhenia_v_Rossii_11-L.pdf